

чий взвился дымок, и она растаяла — только кучка золы упала на землю.

— Это была счастливая девушка, — разъяснил Анку, — жила она себе на свете, а теперь умерла. А вон туда посмотри: ее отец, мать и брат один за другим умирают. А почему? Да потому, что пламя жизни каждого из них было связано ниточками любви с ее пламенем.

— О Господи! — воскликнул Пьер. — Какой же ты жестокий!

Анку обернулся.

— Смерть, — сказал он, — не может быть ни доброй, ни жестокой. Смерть — это только орудие в руках Бога.

Как хотелось Пьеру убраться восвояси, но что он мог сделать? Надо было идти вслед за зятем, ступая по золе от свечей, которые гасли сотнями, бесшумно, без малейшего вздоха. Пьер думал о том, как плачут, как причитают на земле каждый раз, когда Анку задувает пламя свечи: иногда даже ему до ужаса хотелось наброситься на зятя с кулаками.

Сколько времени они блуждали среди свечей? Пьер не знал, который был час, не чувствовал времени. Ничего вокруг него не двигалось, ничего не изменялось; нигде, кроме свечей, не было жизни; не было ни неба, ни звезда, и не день был, и не ночь; не дул ветер, было не холодно, не жарко, не прохладно. Везде стояла странная тишина, которую нарушала только смерть, задувающая свечи.

— Пойдем, — сказал, наконец, Анку, — на сегодня моя работа окончена!

Они уже вышли к другому берегу моря огней.

Проходя мимо маленькой, коротенькой свечки, Пьер вдруг почувствовал такой страх, что его руки и ноги задрожали.

Анку обернулся:

— Это, — сказал он, — твоя жизнь! Меньше чем через час ты умрешь. Идем! Мне нужно отчитаться за этот день, а тебе — за твою жизнь.

Пьер чуть было не потерял сознание. Идти он уже не мог. Тогда Анку подхватил его, словно неживого, и поспешил к како-